

СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Е.х. 20.

СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1, Е.х. 31.

СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 50–71.

А.Б. Островский

Проблема первобытного мышления в трудах Л.Я. Штернберга

Проблема первобытного мышления затрагивается Л.Я. Штернбергом в нескольких ракурсах, всякий раз она соотносится с этнографическим материалом либо возникает в его контексте. В ранних работах — при изучении языка и мифологии нивхов, верований народов Дальнего Востока, что и составляет осмысляемый им этнографический контекст, а позднее — в лекциях для студентов, изданных посмертно («Первобытная религия в свете этнографии». М.; Л., 1930).

Начнем с более поздней ситуации, когда ракурс рассмотрения был задан необходимостью ознакомить студенческую аудиторию с концепциями, объясняющими «своеобразие мышления примитивного человека» [Штернберг 1930: 281], в первую очередь с концепцией «дологического мышления» Л. Леви-Брюля, оценить ее и очертить свою позицию по этой методологически значимой проблематике. В лекции VI Штернберг формулирует три основных положения леви-брюлевской концепции: 1) безусловное подчинение мышления индивида тем идеям, которые возникли в обществе прежде; 2) всеобщность мистического компонента в восприятии примитивного человека; 3) «закон соучастия» (в переводе на русский язык утвердилось словосочетание «закон сопричастия») — способность примитивного человека «отождествлять самые различные объекты, которые, с нашей точки зрения, не могут иметь никакой логической связи», таково свойство мышления благодаря «мистическому отношению к миру» [Там же: 281–283].

Штернберг делает критический разбор этих положений, фактически отвергая их научную ценность. Во-первых, идеи, признаваемые коллективом, вряд ли возникли некогда с помощью дологического

мышления. Во-вторых, как этнограф со значительным полевым опытом Штернберг не может принять тезис о доминирующем мистическом отношении примитивного человека ко всему, что его окружает. Наконец, леви-брюлевский «закон соучастия», не открывая никакой специфической черты мышления, маскирует собой действительную проблему (о ней впервые заявлено Штернбергом). Какие именно постепенно совершавшиеся ментальные преобразования в примитивной культуре (мы сказали бы, посредством ряда шагов) привели к тем выводам, которые выглядят, в примерах Леви-Брюля, как «странные ассоциации идей» (Л.Ш.), как отождествление объекта с его изображением и т.п.?

Позиция Штернберга относительно проблемы некоей интеллектуальной особенности сформулирована им вполне отчетливо: «Странные выводы, которые делает примитивный человек, являются результатом долгого процесса выработки идей, как общих, так и, в частности, религиозных, но не результатом особого ума примитивного человека» [Там же: 284].

Итак, за своеобразием ментальных связей, по Штернбергу, стоит *история мышления*, осуществлявшегося в конкретной культуре, а не мистическая направленность ума носителей этой культуры. В этом анти-леви-брюлевском положении еще нет, конечно, принципов «науки конкретного» и базовых классификаций, характерных для первобытного мышления, что спустя несколько десятилетий сформулирует К. Леви-Строс (La pensée sauvage. P., 1962)¹.

Позиция Штернберга (как и позднее Леви-Строса) основана на безусловном доверии к интеллектуальным возможностям носителей бесписьменной культуры и безусловном отказе трактовать эмоциональные связи и переживания в качестве особых интеллектуальных процедур, якобы присущих примитивному человеку. Интересна формулировка Штернберга, заключающая его рассмотрение леви-брюлевской концепции: «В сложном процессе психики примитивного человека несомненно участвуют и процессы рационалистические, и процессы бессознательные, процессы автоматического мышления, которые подчеркнуты этим ученым, но из этого не следует, что ин-

¹ Издание в русском переводе: [Леви-Строс 1994]. Переиздания: [Леви-Строс 1999; Леви-Строс 2008].

теллеktуальный аппарат примитивного человека отличен от нашего» [Там же: 284–285]. Эта формулировка знаменательна, во-первых, тем, что вместо эмоциональных мистических связей, фигурирующих у Леви-Брюля, Штернберг называет «процессы автоматического мышления», что свидетельствует о его знакомстве с психологической литературой (и, возможно, с трудами по психологии мышления Л.С. Выготского). Во-вторых, здесь содержится тезис об интеллектуальном аппарате, сходном с тем, каким обладает современный человек. Покажем, каковы обнаруженные Штернбергом интеллектуальные процедуры при изучении им языков и фактов культуры народов Амура и Сахалина.

Одним из первых (вслед за Н. Зеландом, В. Грубе и Л.И. Шренком) Штернберг обратил внимание на специфику имен числительных (количественных) в нивхском языке: для различных групп исчисляемых объектов используются разные «разряды» (Л.Ш.) имен числительных. В работе «Образцы материалов по изучению гилацкаго языка и фольклора» (1900) Штернберг называет «четыре крупных класса» объектов, обладающих специфическими числительными: люди, животные, деревья, «неодушевленные предметы» (приведен пример — дом) — и еще несколько «мелких классов», в которые входит один или несколько объектов, также со специфическими числительными. Именно Штернберг впервые подчеркнул, что специфика разрядов распространяется только на количества от одного до пяти и кратные им десятки, сотни и т.д., а начиная с шести «счет происходит почти единообразно» [Штернберг 1900].

В 1932 г. его ученик — Е.А. Крейнович — выделил и описал 24 группы объектов, обладающих специфическими именами числительных, а позднее, в 1973 г., привел наиболее полное описание — 28 групп (в книге «Грамматика нивхского языка» (1962) лингвиста и философа В.З. Панфилова их 26) [Крейнович 1932; Крейнович 1973: 160–162; Панфилов 1962: 204–220]. Крейновичу удалось обнаружить для всех групп объектов отчетливые унифицирующие признаки — формы, назначения и др. (длинные предметы, мелкие округлые предметы, парные предметы, снасти на горбушу и кету, остроги на нерпу, лодки, связки юколы и т.д.), а также, во многих случаях, для суффиксов соответствующих имен числительных — этимологическую связь с наименованием исчисляемых объектов. Панфилов,

продолживший изучение нивхских числительных, установил для некоторых из них, входящих в первую пятерку (1, 2, 5), этимологию корневых элементов, общих для различных разрядов; в частности, происхождение корня в словах «пять» и «десять» от слова «рука». Лингвистические изыскания этих ученых развили заложенную Штернбергом проблематику логики классификаций, соотнесения конкретного и абстрактного в их построении.

В крупной работе Штернберга, внесшей значительный вклад в изучение мифологического эпоса и верований нивхов («Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», 1908), также можно обнаружить ценные сведения, проливающие свет на лингвистическую фиксацию классификаций.

Благодаря тому, что почти все тексты, вошедшие в это издание, опубликованы на двух языках (нивхском и русском), можно проследить, каким образом такая проблема мышления, как соотнесение двух категорий (люди и животные), находит конкретное лингвистическое проявление в ситуациях разного типа.

Согласно систематизации Крейновича (это повторено затем у Панфилова) один и тот же разряд числительных используется «для счета людей и человекоподобных духов, морских, горных (лесных), небесных и духов подземного мира», а злые духи какой-либо сферы исчисляются посредством тех же терминов, что животные [Крейнович 1932: 6]. Однако злые духи отнюдь не всегда имеют звериный облик, они могут быть антропоморфными, в силу чего возникает ментальная проблема: в зависимости от какого фактора или при каких обстоятельствах они исчисляются как люди или как животные.

Под этим углом зрения нами проанализированы все случаи фиксации имен числительных, сочетаемых со зловредными антропоморфными существами, содержащиеся в опубликованных в данном издании текстах. Оказалось, что зловредные антропоморфные существа горно-таежной либо водной стихии *милк*, *кинриш* («черти») могут исчисляться то как звери, то как люди. Во всех случаях, когда они упоминаются вне непосредственного взаимодействия с людьми, их исчисляют, используя числительные *ньан*, *марш* (соответственно, «один», «два») [Штернберг 1900: 6, 10, 49, 95, 99], т.е. как зверей. Во всех же ситуациях, где эти существа крадут людей, убивают их,

чтобы съесть, съедают, их исчисляют, используя термины *ниньң* или *неньң* («один») [Там же: 11, 35, 79–80, 93], т.е. как людей, при этом сами они называют своих жертв «зверьми». Как только людям удастся одолеть «чертей», тех снова исчисляют, используя термины для разряда животных [Там же: 93, 111].

Исчисление рукотворных изображений духов-помощников *чхнай* также зависит от ситуации, точнее от того, в какой мере эта «фигура» (Л.Ш.) наделена функцией, важной для человека. Так, при простом упоминании деревянной, металлической или каменной «фигуры» употребляется числительное из разряда «для неодушевленных предметов» — *ньахриш* («одна»). Когда деревянная «фигура», оставленная в доме, рассказывает возвратившемуся герою о произошедшем в его отсутствие, ее исчисляют, используя термин *ниньң* — как человека. Когда герой берет с собой в путь серебряную «фигуру», чтобы она ему помогала, ее исчисляют термином *ньан* — как животное [Там же: 64, 65, 85, 112].

Несомненно, подобное лингвистическое различие типов ситуаций, в которых упоминаются зловредные обитатели иных космических сфер или же пластические изображения духов-помощников, определяется деятельностью мышления. В ситуациях, описывающих взаимодействие людей с «чертями», эту ментальную деятельность направляет признак (не названный, но подразумеваемый) — субъект / объект охоты; а при взаимодействии с «фигурами»-помощниками — характер выполняемых ими функции.

Итак, благодаря изучению опубликованных Штернбергом на языке оригинала пространных мифопоэтических повествований, выверенных фонетически и грамматически, можно придти к заключению, что высказанное им при разборе концепции Леви-Брюля предположение о рациональной логике, присущей мышлению «примитивного человека», получает документальное подтверждение. Не только осознаваемые суждения, но и бессознательные («автоматические». — Л.Ш.) ментальные процессы, совершаемые сказителем, также носят рациональный характер. Вместе с тем эта логика, далекая от подчинения мистицизму, подвержена антропоцентризму: фиксируемые однозначно в языке ментальные свойства тех или иных существ и предметов определяются их ролью, функцией по отношению к человеку.

Необходимо отметить, что в картине мира нивхов, высвечиваемой мифопоэтическими повествованиями (в обеих публикациях Штернберга — 1900 и 1908 гг.), также присутствуют и отчетливая логика, и антропоцентризм. Именно Штернберг первым охарактеризовал мировоззренческую функцию промысловой обрядности и связанных с ней верований нивхов в качестве культов стихий. «Стихия» (горная тайга, море и реки, небо, подземная сфера) в описываемой им модели мироздания нивхов — это наиболее общая ментальная категория, а более частными выступают хозяева («боги») каждой из этих четырех стихий, их обитатели, в том числе зловредные духи, а также четыре души шамана, полученные им, соответственно, от хозяев стихий — от *Пал'а*, *Тол'а*, от *Тлы* и *Млы-ызн'а* [Штернберг 1933: 322].

Конструирование модели мироздания из природных стихий и задает, таким образом, логическую ось общее / частное, и предоставляет инструмент для классификаций. Так, именно Штернбергом впервые описано присутствие двух очагов в доме амурских нивхов: *палц эри туур* и *тол эри туур* — очага горного хозяина и очага хозяина водной стихии, располагавшихся симметрично относительно матрицы [Там же: 315–316]. Систематизация культов нивхов — в рамках модели Штернберга — позднее была продолжена Е.А. Крейновичем и Ч.М. Таксами [Крейнович 1929; Таксами 1977], а идея ученого о матрице стихий как инструменте классификации — в нашем изучении композиции и семантики лечебных амулетов [Островский 1997; 2011].

Следует подчеркнуть, что благодаря значительному полевому опыту, не только тщательно фиксированному, но и постоянно осмысляемому самим исследователем, ему удалось обнаружить и другие логические свойства первобытного мышления: использование аналогий, построение плана *объективации* (термин Л.Ш.) — для внукультурных интерпретаций представлений о душе.

Приведем примеры аналогий, зафиксированных Штернбергом; нередко они сопряжены с уподоблением человеку и антропоцентризмом. В одной из наиболее ранних работ («Орочи Татарского пролива», 1896) читаем: «У орочей, как и у первобытных народов вообще, не бог создал нас по образу и подобию своему, а, наоборот, они создали богов по своему образу и подобию. Чего нет в их

общественной жизни, именно верховной власти, того они не могли внести и в мир богов» [Штернберг 1933: 426]. Здесь же, восстанавливая семантику касатки у орочей, исследователь пишет: «Касатка отнюдь не хозяин моря — хозяин моря другой, существо человекоподобное, у которого касатки играют роль полицейских (матросов, по выражению орочей), специально занятых тем, чтобы доставлять рыбу и тюленей орочу. <...> Кормя касатку, ороч или амурский нани частью дает взятку низшему чину, полагая, что тот добросовестно поделится с хозяином» [Там же: 430].

Есть и более явный пример обнаружения Штернбергом аналогии в мышлении «примитивного человека». Комментируя небольшой мифологический текст о небесной удочке, зафиксированный им у сахалинских нивхов, автор отмечает, как бы восстанавливая интерпретацию, подразумеваемую в культуре нивхов: «Потерять колокольчик (упавший сверху вместе с небесной удочкой. — А.О.) значит потерять ум» [Там же: 345].

При описании конструкции лечебных амулетов у тунгусоязычных народов Штернберг большое внимание уделяет присутствию в композиции изображения больного органа, порой она сводится к этой «объективации»: «Манегры больное место лечат вырезанным изображением его, хромые привязыв[ают] к больной ноге маленькое изображение ноги или бедра; у слабогрудых висит на шее сердце» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 69]. Согласно его описанию у нанайцев при болезни рук делается трехчастный амулет (с петельчатым соединением частей между собой), на одной из его частей имеется обычно изображение руки либо медвежьей лапы. Когда болит голова, нанайцы делают из гнилушки голову совы или деревянное изображение головы медведя, тигра. При болезни живота — изображение антропоморфного существа с птичьим лицом и выпяченным животом [Там же: 514]. В приведенных примерах присутствует объективация (как бы вынесение вовне того места, где болит) в единстве с аналогией, уподоблением здоровому органу животного.

Термин «объективация» введен Штернбергом позднее, в его лекциях для студентов — при описании того, каким образом в самой культуре интерпретируется «душа» — некая субстанция, ответственная за биологическую, психическую жизнь индивида. Обьек-

тивацию, наблюдаемые проявления души — *чегң / техн* — у нивхов примитивный человек, согласно исследователю, усматривает в образах сновидения и в особенности в таких процессах организма, как дыхание и кровообращение [Штернберг 1930: 15, 288–289, 293–294]. Еще один лингвистический коррелят души у нивхов — *ңарш* (кровь); исследователем зафиксировано, что этим же термином обозначаются орлиное перо и плавник рыбы [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 331], служащие животному средством движения. Позднее лингвистом Г.А. Отаиной были изучены корреляты представлений о душе — *тегң, ңар, мегң* в различных диалектах, говорах нивхского языка [Отаина 1984].

Отчетливая мировоззренческая позиция Л.Я. Штернберга, тщательная фиксация им результатов полевых наблюдений, включая и лингвистические корреляты категорий, позволили исследователю заложить основы концепции первобытного мышления, его логического ядра. Свободное от религиозно-мистического тумана, мышление «примитивного человека» рационально, активно прибегает к аналогиям, движется в рамках классификаций, восходящих к космологии стихий, при этом окрашено антропоцентризмом.

Библиография

- Крейнович Е.А.* Гиляцкие числительные. Л., 1932.
Крейнович Е.А. Нивхгу. М., 1973.
Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гиляк о-ва Сахалина // Этнография. 1929. № 1.
Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999.
Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008.
Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.
Островский А.Б. Религиозный менталитет и композиция лечебных амулетов нивхов // Нивхи / Ред. Т.П. Роон. М., 2011.
Отаина Г.А. Отражение мифологических и религиозных представлений в нивхском языке // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984.
Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М., 1962. Ч. 1.
Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977.
Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. М.; Л., 1930.

Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гиялцкаго языка и фольклора // Известия Императорской Академии наук. 1900. № 4.

Источники

Нивхско-русский словарь, составленный С.А. Штернберг на основе словарной картотеки Л.Я. Штернберга // СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 331.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 69.

Д.В. Арзютов

Полевые программы Штернберга и Богоразы: от концепции поля к категоризации этничности¹

О Льве Яковлевиче Штернберге было сказано и написано много и подробно [Кан 2009]. Однако такая монументальная личность привлекает внимание по множеству причин, и одной из них является его совместно с Владимиром Германовичем Богоразом формулирование самой проблемы поля как основы этнографического исследования.

Именно в этой связи я хочу обратиться к формам концептуализации нашего знания в рамках полевых исследований. Моей задачей является проследить формы перехода от программы (или даже структуры) полевых исследований к описанию собственно локальных сообществ, а затем к своеобразной власти этой самой структуры над эвристическими поисками этнографов. Это взгляд сквозь призму рефлексивной антропологии. В качестве материала для рассуждений я привлек данные из известной мне этнографии Шории и Алтая.

¹ Работа выполнена при поддержке Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, «The Concept Of The ‘Ethnos’ In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis of the Peoples of the North» (Prof. David G. Anderson and Dr. Dmitry V. Arzyutov). Хочу выразить признательность всем участникам конференции, посвященной 150-летию Л.Я. Штернберга, за ценные замечания, которые позволили уточнить и улучшить предлагаемую статью. Моя особая благодарность за комментарии профессору Сергею Кану (Dartmouth College, USA) и д.и.н. Александру Борисовичу Островскому (РЭМ, Санкт-Петербург).